

НОВЫЙ СПОСОБ ЖИЗНИ ПОСЛЕ МЕГАПОЛИСОВ⁵²

Ю.М. ПЛЮСНИН

Возможно, что я ошибаюсь, но думаю, что лет через двадцать тот новый способ и образ жизни, о котором я сейчас намерен говорить, будет обыденностью, а всякие содержательные мысли об этом станут банальностью. Но сейчас, наверное, это не банальность и потому вопрос стоит обсуждать. Хочу зафиксировать четыре тезиса.

Первый из тезисов – о специфической популяционной динамике на территории России – на том пространстве, на котором раскинулось Большое Российское общество и которое Российское государство оформляет как территорию. Это два взаимосвязанных «специфически русских» процесса, думаю даже уникальных своим сочетанием, о которых практически мало кто говорит, но они, я полагаю, определяют очень многое и в нашей истории, и в нашей политической жизни. С одной стороны, это тысячелетний процесс разбегания населения по пространству страны - на её окраины, за границы территории «царства-государства». С другой стороны, это вековой процесс волнообразного многократного исхода населения из одних земель, концентрации его в других землях и последующего возвращения обратно; такие своеобразные приливы и отливы населения, которые захватывают в разное время то одни, то другие территории.

Второй тезис – о двух разнонаправленных людских потоках, которые сложились в последние четверть века на территории России. Вызваны они, по моему мнению, экономическими и политическими причинами. Эти потоки современного нам перемещения и размещения населения очень масштабны. Это процесс временного, сезонного перемещения горожан-дачников между квартирой в городе и домом в деревне и противоположный поток провинциалов-отходников из местечек и деревень в крупные города. Но, к моему удивлению, эти столь масштабные процессы большинству исследователей, а также и управленцам не видны совершенно.

---

⁵² Статья подготовлена на основе лекции «Новый способ жизни после мегаполисов», прочитанной 1 апреля 2015 г. в Институте демографии, миграции и регионального развития на семинаре Ю.В. Крупнова. Видеолекция размещена по адресу: http://www.youtube.com/watch?v=077-_bn-Y1c

Третий тезис – как раз о новом образе и новом способе жизни, который сейчас формируется на наших глазах, который и станет той самой обыденностью уже в ближайшее время. Конечно, не могу сказать - когда, но глазом моргнуть не успеем. Это новый и пока неведомый многим «modus vivendi», который будет складываться из нового «modus operandi».

Ну и четвёртый тезис, уже совершенно спекулятивный – это те вероятные следствия, которые можно предположить на основе обсуждения трёх указанных тезисов. К чему приведёт этот новый способ и образ жизни в экономической сфере, в социальной, или даже социокультурной сфере, а также и в политической сфере? Здесь я могу сделать некоторые совершенно спекулятивные предположения, либо опереться на некоторые исторические параллели, которые имеются в нашей русской истории.

Тысячелетняя популяционная динамика на Русской равнине

В чём состоит особенность и даже уникальность размещения русского населения на Русской равнине? Здесь, говоря о русских людях в широком смысле слова, я говорю о нас как о гражданской нации, отнюдь не как об этносе, народе. То есть, на мой взгляд, русские – это все мы: и узбеки, и татары, и карелы с украинцами, и чувашаи с белорусами, и калмыки с бурятами – все мы русские, поскольку, вслед за Ключевским или Достоевским, полагаем, что слово это есть прилагательное, а вовсе не этноним и так называемся потому, поскольку живём на русском пространстве, прилагаемся к нему.

Особенность размещения нашего населения на территории Руси и уникальная тысячелетняя популяционная динамика вызвана, преимущественно политическими факторами, в меньшей степени экономическими, хотя последние тоже имеют значение. Эта динамика образована двумя разными по своей природе компонентами, разными процессами. Будучи наложенными друг на друга, они дают весьма сложный узор, который мы время от времени наблюдаем и описываем, но часто не дешифруем, когда описываем. А этот сложный узор на громадном пространстве европейской России создаётся двумя следующими процессами. Во-первых, постоянным, на протяжении тысячелетия многократно повторяющимся процессом разбегания населения по пространству страны от центра к периферии, на окраины, и время от времени такое разбегание то нарастает, то затухает. Во-вторых, столь же регулярно случающимися приливно-отливными демографическими явлениями,

но уже на локальных территориях: повторяющимися процессами обезлюдения земли и следовавшими затем, через 2-3 поколения, процессами заселения, нового наполнения.

Центрбежный демографический процесс на территории Русского царства на отдельных временных интервалах привлекает внимание историков, его замечают как явление, имеющее военно-политические и религиозно-политические причины⁵³. Хотя об этом писали, или просто упоминали многие историки, но специально этому вопросу, насколько я знаю, посвящала свои исследования С.В. Лурье⁵⁴. Взаимодействие населения с Русским государством, государством как «оседлым бандитом», пережившим в этом качестве шесть или даже семь ипостасей (пять ипостасей такого государства выделил ещё Николай Бердяев в начале XX века), имеет свои особые последствия. Государство занимается формированием ясачного, или податного населения. Но, в отличие от Европы, процесс этот иной, здесь иные механизмы, поскольку и причины иные⁵⁵.

Монгольская экспансия принесла в Русский мир Пространство. Московское княжество наследовало потомкам хана Бату и хана Узбека

---

⁵³ См., напр.: Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. // Сочинения. В 18 кн. Кн. V. Т. 10, М.: Мысль, 1990. Гл. 1. С. 357-440; Кн. VII. Т. 13. М.: Мысль, 1991. Гл. 1. С. 40-48; Гл. 2. С. 173-175; Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало Раскола. М.: Знак, 2011. Предисловие, с. 34-49. Гл. 1, с. 51-58; Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М.: Изд-во МГУ, 1999; Long Waves in the World Economy. L., 1984.

⁵⁴ Описание этих исторически масштабных демографических процессов, возникающих по политическим причинам, описано, например, в следующих работах: Лурье С.В., Казарян Л. Принципы организации геополитического пространства (введение в проблему на примере Восточного вопроса) // Общественные науки и современность, 1994, N 4; Лурье С.В. Геополитические формы организации пространства экспансии и их влияние на характер народной колонизации // Цивилизации и культуры. Вып. III, М., 1996; Лурье С.В. Русская крестьянская колонизация и проблемы регионализма: взгляд в историю // Куда идет Россия? Социальная трансформация постсоветского пространства. М., 1996; Лурье С.В. Восприятие народом осваиваемой территории // Общественные науки и современность, 1998, N5; Лурье С.В. Игра в кошки-мышки: модели русской крестьянской колонизации в XIX – начале XX веков // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. №11 (42). Часть 4.

⁵⁵ На мой взгляд, наилучшим образом эти различия отмечены и проанализированы Бенно Тешке в его недавно переведённой монографии (Тешке Б. Миф о 1648 года: класс, геополитика и создание современных международных отношений. – М.: Издательский дом ВШЭ, 2011), где автор рассматривает развитие отношений собственности и политического насилия в каролингской Европе 10-15 веков в качестве предпосылок становления государственного суверенитета. Мы обнаруживаем сходство социального и политического развития Руси лишь только с одним из четырёх наследников империи Каролингов – Англией; кроме того, со временем пространственный фактор начинает иметь всё большее значение в политическом становлении Русского царства и тем самым начинает увеличивать расхождение траекторий исторического развития Европы и Руси.

не только систему государственного управления,⁵⁶ оно получило от Улуса Джучи и особое наследство: особенное освоение пространства и устройство его как территории.⁵⁷ Пространства у нас большие и пустые. Встаньте на высокий берег Клязьмы в городе Владимире и посмотрите на ту сторону реки. Вы видите бескрайние леса, где нет ничего. Редкие дымы деревень на бескрайних лесных просторах. И так, начиная от Витебска и кончая Тобольском, Томском и Хабаровском, мы видим одну и ту же картину. Там, где разместилось государство, оно строит городища, острожища, храмища, капища, мытищи и всё прочее, составляющее государственную инфраструктуру. Оно выстраивает эту структуру и налаживает на население какие-то значимые для государства обязательства.

Но население, имея такие бескрайние просторы, всю жизнь бежит от государства, оно уходит от него, избегает, разбегаясь. Население в ранние годы Московского государства бежало куда? В Западную Русь, бежало на Север, затем на Дон и Днепр, в Запорожье, наконец оно бежало в Сибирь, а после оно массово бежало в Среднюю Азию. И вечно оно искало то Китеж-град, то Беловодье и Даурию, и вечно уходило от государства. А государство шло вслед за населением и ставило остроги, засечную черту, и снова облагало население податью. Вот характерный факт, который я нашёл у Светланы Лурье: после присоединения Восточного Туркестана, был издан царский указ, запрещающий крестьянам заселять этот край. Но в первый же год после указа более 140 тысяч крестьян своевольно поселились в Восточном Туркестане⁵⁸. То есть, указы указами, но мы-то живём по своему, своими законами, правильнее сказать естественным и обычным правом.

В чём же заключается наша особенность? Во всю тысячелетнюю государственную историю Руси мы видим это постоянное бегство населения на запад и на север, на восток и на юг, во все стороны. Очевидно, что такое же поведение должно быть характерно в давние времена и для народов Западной Европы, но там пространства маловато и процессы эти закончились там уже к началу второго тысячелетия, в крайнем случае к середине его.⁵⁹ У нашего народа есть одна существенная осо-

---

⁵⁶ Напр.: Прохоров А.П. Русская система управления. М.: Журнал «Эксперт», 2002. С. 84-106. С. 144-160. С. 218 – 227; Юрченко А.Г. Хан Узбек: Между империей и исламом (структуры повседневности). Книга-конспект. СПб: Евразия, 2012.

⁵⁷ Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: ЭКСМО, 2006.

⁵⁸ Лурье С.В. Этнокультурные особенности восприятия народом осваиваемой территории // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1996. № 1.

⁵⁹ См.: Тешке Б. Миф о 1648 года: класс, геополитика и создание современных международных отношений. – М.: Издательский дом ВШЭ, 2011. С. 127-174.

бенность в образе жизни. Он приходит на новые территории со своими способами хозяйствования, моделями жизнеобеспечения. В Сибирь и на север, в Среднюю Азию, с новыми для этих территорий моделями жизнеобеспечения, с другим способом хозяйствования.

Таким образом, новые поселенцы сели и заняли другую экологическую нишу и не конкурировали с казаками, киргизами и узбеками за землю, которые занимались скотоводством. А русские крестьяне занимались хлебопашеством. То же самое мы наблюдаем в самое раннее время, в XIV-XV веках на севере, в Поморье, где пришедшие туда русские не вытесняли лопарей, самоедов, а безболезненно проникли внутрь территории. То есть это взаимопроникновение и занятие разных экологических ниш, в результате общества не конкурируют друг с другом. Ну или почти не конкурируют⁶⁰. И в этом смысле новые насельники не нуждались в том, чтобы уничтожать аборигенов, как это было в Африке, в Латинской и Северной Америках. Конечно, не всегда и не везде так было, например в Поволжье конфликты были и аборигенное население замещалось и сдвигалось, ассимилировалось. Но у нас много земли, и у нас относительно невысокая плотность, и разнообразные модели жизнеобеспечения у разных этнических групп, которые позволяют создать не конкурирующие, а мутуалистические отношения между местными обществами: охотники-тунгусы и рыбаки-хлебопашцы русские, конево-ды-якуты и русские казаки, охотники и хлебопашцы на Лене. И вот этот процесс вечного разбегания до сих пор мы наблюдаем. Мы наблюдали это даже в советское время, наблюдаем и сейчас. Правда, масштабы разные. В определённые периоды увеличивают и уменьшают в какие-то другие периоды. Вспомним советские «стройки века», Дальний Восток, Крайний Север, Казахстан. Или девяностые годы, когда десятки миллионов людей вынуждены были сняться с родных и насиженных мест.

И на эти волны разбегания населения по обширному пространству (Большой) России (вслед за которыми бегут уже «административные волны» создания государственных территорий) накладывается другой по природе, но так или иначе взаимосвязанный временной процесс. Это периодические обезлюдения локальных территорий, нередко довольно больших, по причинам как политическим (смуты и войны), так и экономическим (отходничество), а также природным (неурожай и голод, эпидемии). Я в своё время, специально заинтересовавшись этим инте-

---

⁶⁰ Далеко не везде ситуация русско-славянской экспансии была неконфликтной, ср. положение башкир, мордвы, черемисов, болгар в XVII-XVIII веках.

ресным феноменом, насчитал по 5 или 6 таких циклов на отдельных территориях Европейской России. Процессы эти, конечно, разновременные на разных территориях, но в целом циклы могут прочитываться. Буквально на днях, читая замечательное классическое исследование Пьера Паскаля периода Раскола, я нашёл у него следующие демографические факты на рубеже XVI-XVII веков: население обширных территорий Поморья к первой трети XVII века поредело на 3/4, «осталось не более четверти прежнего количества обитаемых дворов и обработанных земель», у самого крупного феодала на Руси, Троице-Сергиева монастыря, в 1592-1594 годах было 37% пахотной земли из всей земли, которой он владел (1960 кв. км в 60 разных областях), а всего через 20 лет, к 1614-1616 годам осталось только 1,8% сельхозземель на той же самой территории, т.е. практически ничего.⁶¹ Представьте, в двадцать раз меньше обрабатываемой земли. Это значит, людей нет, ушли люди!

К 1630-40 годам, уже в годы восстановления после смуты, спустя целое поколение, почти все западные территории Московских всё ещё нужно было заселять новыми крестьянами. Завозили крестьян из других областей. Например, в одном лишь Кашинском уезде было поселено 6 тысяч карел, тогда это почти всё население уезда.⁶² То есть, надо думать, практически вся нынешняя западная часть Московской губернии – это во многом потомки карел и вепсов. Или возьмём такие даты: 1549 год, что пишет Сигизмунд Герберштейн о временах с 1516 до 1527 годов (цитирую по памяти): «А московские крестьяне настолько богаты, что ходят в кафтанах, отороченных золотом, и нанимают крестьян из Западной Руси себе в работники».⁶³ А что мы видим после 1584 года? Обезлюдила вся Русь. Все сбежали, кто на запад в Литву, кто-то на север в Поморье, кто-то на юг в Сечь. Но что мы видим в конце правления Алексея Михайловича? Снова сытое, богатое население, обильно заселившее всю территорию. А что мы видим спустя всего два-три поколения, после 1725 года, после «строек века» Петра I, и после того, как он потратил значительную часть населения в войнах? Опять пустые территории, опять нет людей.

Вот частный пример уже XIX в., та картина, которую я в Чухломе в Костромской губернии нашёл. Казаринов, очень хороший исследова-

---

⁶¹ Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало Раскола. М.: Знак, 2011. С. 52.

⁶² Кисловский С.В. Кашинский край // Забытые станицы истории / Сост. С.В. Кустов. Калязин, 2006. Кн. II. С. 122, 205-211.

⁶³ См.: Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, 1988. См. также http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Gerberstein_3.htm

тель, этнограф, краевед, научный сотрудник земского управления, пишет в 1926 году: «У нас в 1874 году 3/4 всех земель в Чухломском уезде заброшены и заросли лесом».⁶⁴ Они уже не пахутся и не сеются. Все люди ушли. Ушли куда – в Питер, отходничать. Но к 1924 г., то есть спустя всего два поколения, тот же уезд уже перенаселён. Но прошло ещё два-три поколения и цикл повторился. В советское время весь Чухломской уезд, несмотря на очень низкое качество земли, был засеян и распахан. Однако сейчас в Чухломском уезде не три четверти, а всего только половина земли не сеется не пашется. И опять люди ушли в отход, как 150 лет назад. То есть опять мы имеем ту же самую картину. Ясно, что мы увидим через самое короткое время, может быть, лет через двадцать – вновь территория будет наполнена населением «под завязку».

Поэтому я говорю моим соседям москвичам-рантье, которые переехали в деревню и сетуют на то, что деревня, мол, вымирает, страна обезлюдевает! «Ребята, – говорю, – радуйтесь пока! Вы живете в прекрасное время, когда вокруг мало людей, пока нас не много, но скоро придётся вам драться локтями за каждую пядь земли». А они горюют. Через 20 лет все изменится. Плотность населения будет не 2-3 чел/кв.км, как теперь в сельской местности почти всех окружающих Москву областей, а 20 и 40 человек на квадратный километр. Просто придёт новая жизнь и новые люди. Придёт, так же, как в Чухлому она пришла в начале прошлого века. Вот посмотрите на нынешний Кологривский район той же Костромской области. Сейчас здесь около 6 тысяч жителей, и все опять горюют: вымираем! Бросают земли, не хотят обрабатывать. «Все уезжают, и нам надо уехать». Но вот я читаю в архивах Кологривского музея: в Кологривском уезде в 1897 г. по переписи проживало 117 тысяч человек, а в 1922-1924 гг. уже 134 тысячи жителей.⁶⁵ Правда, он больше по территории был. Всё равно это не 6 и не 20 тысяч жителей, которые теперь населяют его прежнюю территорию. Это в 6-7 раз больше. За такой короткий срок столько людей не народить. Населили заново. И вот эти приливно-отливные волны – это наша российская особенность. Вызваны они политическими и экономическими причинами по преимуществу. Вероятно, такие приливы и отливы населения происходили и в XIV и в XV веках. Данные трудно найти. Конечно, частью они были вызваны и эпидемиями и неурожаями и каки-

---

⁶⁴ Казаринов Л. Отхожие промыслы Чухломского уезда. Чухлома, 1926.

⁶⁵ Владимирский Н.Н. Отход крестьянства Костромской губернии на заработки. Кострома: Издание Костромского губстатотдела, 1927. С. 13 и далее.

ми-то климатическими изменениями, как это ярко проявилось в Скандинавии в VIII-IX вв..

Таким образом, мы видим два параллельных демографических процесса: центробежный процесс разбегания населения, время от времени то усиливающийся, то ослабевающий, и волны приливов и отливов населения на локальных территориях. Как они накладываются друг на друга? Мы не знаем. Мы только фиксируем, что так было, и так, может быть, и теперь проходит. Представьте, что это интерференция: бегущие от центра волны как от брошенного камня, накладываются на волны меньшего масштаба, подобно тем, какие создаёт тонущее и всплывающее бревно топляка на воде. Люди разбегаются по окраинам, заселяют эти окраины, их плотность нарастает. Приходит туда государство, ставит острог и город и снова часть населения уходит. Но и на уже освоенных, прибранных к рукам государством территориях население продолжает приливать и отливать. Это интереснейший процесс, который, вероятно, в таком комплексе никто никогда и не исследовал.

Почему я это в виде первого тезиса обсуждаю? Это имеет непосредственное отношение к нашему складывающемуся новому образу жизни. Потому что тот период, советский, который мы знаем, который зафиксирован в наших бытовых стереотипах, представлениях, в нашем менталитете – это представление о плотном, индустриальном, организованном, привязанном к производству, к заводу, к совхозу, к фабрике – экономически детерминированном образе жизни, такой стереотип уже есть анахронизм. В новой динамике жизни мы уходим от того, к чему привыкли. Нам придётся смириться с тем, что всё изменится. Этот первый тезис является подоплёкой того феномена нового образа жизни, который мы в скором времени будем наблюдать.

Встречные потоки возвратных сезонных миграций населения

Второй фактор, определяющий особый характер нашего национального образа и способа жизни, в том числе определяющий его будущие формы – это наличие двух разнонаправленных сезонных потоков населения, свидетелями которых мы являемся все последние годы. Эти два процесса массовой возвратной циркулярной миграции населения на самом деле не являются уникальными для последних 20-25 лет. Предпосылки их, и даже развитие этих процессов мы наблюдали и в более ранние времена, но они определялись разными факторами, детерминировались разными причинами. В то же время, наличие таких массовых сезонных перетоков населения между городом и селом выступают, на мой

взгляд, уникальной особенностью России, ни в какой другой стране мы ничего подобного не найдём (прежде всего по масштабам этих процессов).

Первый процесс обозначу как внутренняя возвратная трудовая миграция сельского населения в крупные города и промышленные центры. Мы наблюдаем такое самостоятельное движение в город два последних десятилетия, начиная с середины 1990-х годов. Это отходничество. Я с моими молодыми коллегами изучаем это явление с конца 2000-х годов, опубликовали немало статей и две монографии.⁶⁶ Однако отходничество в России существует века. Как минимум 400 лет. Особенно массовым отходничество стало с середины XIX века, после 1860-х годов.⁶⁷ Приобрело настолько массовый характер, что к 1930 годам отходников из сёл жило в крупных городах 13-15 млн. Это приводило к странным, на первый взгляд, демографическим процессам. Почему Москва в 1920-х годах меняла численность с четырёх миллионов человек до двух миллионов в течение очень короткого времени, как бы внезапно, а затем столь же быстро численность нарастала? Потому что половина населения в Москве были крестьяне из губерний Европейской России, отхожие люди.⁶⁸

В советское время отходничество как массовое явление (тогда их переименовали в «сезонников») исчезло только с начала 30-х годов. Поскольку в 1931 г. было осуществлено введение паспортной системы, временно, всего в четырёх республиканских столицах,⁶⁹ с целью ограничить наплыв не зарегистрированных «сезонников». И одновременно осу-

---

⁶⁶ См., напр.: Плюснин Ю.М. Отходничество в современной России // Отечественные записки, 2012. № 5(50). Социальная мобильность. С. 240-256; Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. Отходники. М.: Новый хронограф, 2013; Plusnin J., Zausaeva Y., Zhidkevich N., Pozanenko A. Wandering Workers. Mores, Behavior, Way of Life, and Political Status of Domestic Russian Labor Migrants. – Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2015. (Serie «Soviet and Post-Soviet Politic and Society, SPPS», No 141).

⁶⁷ Буркин С.А. Численность отходников в России в конце XIX в. // Вопросы истории, М., 1978. № 9. С. 201-209.

⁶⁸ См.: Минц Л.Е. Отход крестьянского населения на заработки в СССР. М.: Вопросы труда, 1926.

⁶⁹ См.: Байбурун А.К. К предыстории советского паспорта (1917 – 1932) // Неприкосновенный запас, М. 2009 № 2(64).

ществлена была организация «сезонников» через биржи труда.⁷⁰ Начавшаяся в эти же годы индустриализация и коллективизация перевела сезонников либо в колхозников, закрепила их в деревнях, где они остались зафиксированными до середины 1960-х годов, либо перевела в рабочих и прикрепила к заводам в крупных городах. Ну и ещё переместила на новые осваиваемые территории, например, в Комсомольск-на-Амуре, на целину, или какие-то новые «стройки века»: Донбасс, да тот же самый Новосибирск, туда двигались многие сотни тысяч людей. Поэтому отходники после 1931 года исчезли. Мы в советское время про них забыли, мы знали только какую-то маленькую часть этих людей в виде шабашников, разных мелких артельщиков, калымщиков старателей и т.д. А вот с 1990-х годов «процесс пошёл». И через 20 лет достиг уже своей кульминации, отходники стали повсеместны.

Например, в Москве сейчас, по словам С.С. Собянина, шесть с половиной миллионов трудоспособного населения из 12 миллионов всех жителей. Но московский мэр не сказал, или может даже не знает, что ещё в Москве существуют 5-6 миллионов невидимых, неучтённых работников⁷¹, которые подметают улицы, которые охраняют супермаркеты, торгуют на рынках, в магазинах, нянчат и учат детей гувернантками, обеспечивают нашу жизнь здесь уборщиками, грузчиками, водителями, бомбилами и проч. На заводах, на фабриках – они везде. Большинство из них официальной статистикой не учтённые (по нашим оценкам, более 2/3)⁷².

В последнее время мы переживаем ситуацию, когда в стране есть 15-20 млн отходников. Это наши оценки на основе эмпирических полевых исследований, они опубликованы в недавней монографии, опубли-

---

⁷⁰ См.: Андрушин Е.А. Из истории трудового законодательства СССР и политики советского правительства в области трудовых ресурсов. М.: Новый хронограф, 2012. С. 205-232; Декрет СНК РСФСР от 31 января 1918 года «О биржах труда»; Постановление СНК СССР от 16.03.1930 «Об устранении препятствий к свободному отходу крестьян на отхожие промысла и сезонные работы» (<http://ihistorian.livejournal.com/71451.html>); Постановление СНК СССР от 17.03.1933 «О порядке отходничества из колхозов» (<http://russia.bestpravo.ru/ussr/data04/tex16551.htm>); Постановление СНК СССР от 19.09.1934 «О прописке паспортов колхозников-отходников, поступающих на работу в предприятия без договоров с хозорганами» (<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=16638>); Постановление ЦИК и СНК СССР от 30.06.1931 «Об отходничестве».

⁷¹ Естественно ожидать, что с этой оценкой численности многие радикально не согласятся, и уже оспаривают её (см.: Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / К.В. Аверкиева, Е.В. Антонов, П.Л. Кириллов, А.Г. Махрова, А.А. Медведев, А.С. Неретин, Т.Г. Нефедова, А.И. Трейвиш – М.:Новый хронограф, 2016. С. 76-82.).

⁷² Плюснин Ю.М., Позаненко А.А., Жидкевич Н.Н. Отходничество как новый фактор общественной жизни // Мир России, 2015. – Т. 24. - №1. – С. 35-71.

кованной на английском языке «Wandered workers», где мы показали, что динамика численности отходников в современной России вернулась к значениям дореволюционного и раннего советского времени.⁷³ Сейчас у нас гигантская армия отходников в крупных городах и в центрах промышленного развития. И эта армия отходников будет ещё множиться! Она состоит из нескольких категорий работников, как самозанятых, самодельных, так и наёмных. Самых важных категорий примерно три-четыре.

Одна из самых важных, с точки зрения политической, категорий – это дальнбойщики, 3-5 млн прекрасно организованных работников по всей стране, хорошо связанных между собой, с налаженными кооперативными связями. Организованное сообщество. Это же настоящая «трудоармия», это впечатляет!

Вторая категория, в некотором смысле противоположная первой – охранники, это 2-3 миллиона мужчин, довольно активных, в довольно молодом возрасте, но толку от них как от работников нет. «Захребетники». В то же время, это обученные охранники, имеющие и разнообразное профессиональное образование.

Третья категория, в другом смысле важная, это самодельные предприниматели, в силу разных причин, прежде всего вследствие чрезмерного регулирующего воздействия государства, переставшие быть местными мелкими предпринимателями, ушедшие в тень и занявшиеся самодельной активностью в крупных городах.⁷⁴ Они строят срубы, строят дороги, они на стройках заводов и жилья, работают на заводах. Это профессионалы с хорошим, хотя в основном и средним специальным образованием, люди все умелые и активные.⁷⁵ Кроме этой важной особенности (самозанятость, скрытое предпринимательство) для данной категории отходников весьма характерна ориентация на благосостояние семьи, на социальную стабильность. Это потенциал для государства, о котором оно само не ведает. И таких людей не менее 3 миллионов мужчин.

---

⁷³ Plusnin J., Zausaeva Y., Zhidkevich N., Pozanenko A. Wandering Workers... P. 48-51.

⁷⁴ См. специально об этом: Plusnin J.M., Slobodskoy-Plusnin J.J. Local government and small business: mismatch of expectation. – Basic research Program. Working papers. Series: Public Administration. – WP BRS 04/PA/2013. – М.: HSE, 2013. – 24 p.

⁷⁵ См.: Позаненко А.А., Жидкевич Н.Н., Плюснин Ю.М. Несоответствие работы полученному образованию: случай современных российских отходников // Социология образования, 2015, № 12. – С. 36-52.

К ним же примыкают и множество профессионалов среднего уровня, отходников в сфере услуг, среди которых уже немало женщин. Медсестры, учителя, культработники у себя дома, они на выезде в крупных городах работают гувернантками и нянечками, медсёстрами и уборщицами, продавщицами на рынках и в сетевых магазинах. Они важны не в том плане, что закрывают не востребуемые горожанами рабочие вакансии, а в том, что создают новую культурную среду для будущих горожан. Они же, женщины из сёл, выращивают и воспитывают детей этих «новых русских» или состоятельных русских. Они внедряют подспудно, исподволь новые социокультурные стандарты, совсем не те, что внедряли в начале XX века отходники, возвращавшиеся в село. Они в то время что приносили в село? Шаль жене, сапожки дочери, сыновьям пиджак. Но главное, что они принесли, это питье водки, это курение табака, это мат, то есть развал самобытной солидарной культуры сельского мира.⁷⁶ Плюс, они принесли в село потенциал революционных изменений.⁷⁷ Они же люмпены в городах были, они и занесли оттуда в село идеологию большевиков.

Кто был носителем всех этих преобразований в селе? Отходники. В каждом селе на всей территории Европейской России, исключая Сибирь, были отходники. Замечу кстати, что об этом же ведь писал и Ленин, но про это забыли и не читают.⁷⁸ И местные кадеты когда-то тогда ещё, в 1905-1910-м годах, писали: «Ребята, обратите внимание! Это - почва и потенциал вот этих самых революционеров-большевиков. Они будут делать революцию».⁷⁹ И они её сделали. Правда, сейчас нынешние отходники, они другие. В нынешние времена — это, скорее, потенциал социальной стабильности. Но не буду на этой теме останавливаться, потому что она огромна.

---

⁷⁶ См.: Владимирский Н.Н. Указ. соч.; Казаринов Л. Указ. соч.; Смурова, О. В. Между городом и деревней: (образ жизни крестьянина-отходника во второй пол. XIX-нач. XX вв.): монография Изд-во КГТУ, 2008; Смурова О.В. Неземледельческий отход крестьян в столицы и его влияние на трансформацию культурной традиции в 1861-1914 гг: по материалам Санкт-Петербурга и Москвы, Костромской, Тверской и Ярославской губерний: монография. Кострома: Изд-во КГТУ, 2003.

⁷⁷ Весин Л. Значение отхожих промыслов в жизни русского крестьянства // Дело, 1886. - № 7. и 1887. № 2. С. 102-124.

⁷⁸ Ленин В.И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности / В.И. Ленин Полн. собр. соч. Изд. пятое. М.: Изд-во политической литературы, 1971. Т. 3. С. 1-610. Глава V. Первые стадии капитализма в промышленности. С. 328 – 383. Отхожие неземледельческие промыслы С. 569-581.

⁷⁹ См.: Суханов Н. Н. К характеристике российского пролетариата // Современник, 1913. № 4. С. 320–328.

Перейду к противоположному, к обратному процессу, который мы наблюдаем уже не четверть века, а три четверти: это процесс сезонного (а теперь и постоянного) утекания жителей из городов в деревню. У нас всегда были дачи. «Дача» - слово интернациональное, как «спутник», поскольку это и форма княжеского полюдья IX-XII веков, и форма крепости служилого сословия, дворян-помещиков, и потому уже с XVII века известна как массовое явление. В XIX, да и в XVIII даже веке появились новые формы дачной жизни, летние дачи появились у мещан, но у обеспеченных людей. Университетский петербургский или томский профессор выселялся на лето из своей семикомнатной квартиры, туда заселялись студенты на это время, арендовали её, а сам он ехал на дачу, которую снимал в деревне, нередко ежегодно, десятилетиями. (Вспомните «Тёмные аллеи» И. Бунина.) Вот опять пример. Нижний Новгород, в 1880-1890-х годах там жило 60 тысяч жителей всего лишь (это около 10 тысяч семей). А на дачу уезжало до 10 тысяч, не считая детей.⁸⁰ То есть, практически, получалось, до 1/3, если не более всех семей уезжало на дачи. Это очень много. И эти дачные районы, они нынче включены в состав города, в территорию города, но уже тогда они были обустроены не как деревни, а как дачные посёлки. Более того, это был значительный бизнес для жителей посёлков.

Если такая ситуация была в Нижнем, то что говорить о Петербурге и Москве? Но мы к этому необычному по мировым меркам феномену привыкли, поскольку об этом писали писатели. И если первоначально это был образ жизни дворян, то скоро его усвоили и мещане. У дворян он складывался вынужденно. Потому что как только дворян освободили от государственной службы и от воинской службы в 1731-1785 гг., что им оставалось делать? Они вынуждены были уехать в деревню. Поэтому на лето они в деревню, на зиму они в город, и вот так туда-сюда мотались. То есть наша идеология дачной жизни, жизни в деревне и в городе на два дома, она очень давно сложилась. Документировано – три-четыре века такой практики.

Но особенно массовый характер дачная жизнь стала приобретать в позднесоветские годы, когда у большинства не только городских семей, но и у семей в небольших городах и посёлках появились дачи. Это стало престижным, но, в отличие, например, от автомобиля или зарубежной поездки, доступным многим. А когда в начале 90-х годов случились пе-

---

⁸⁰ См.: Смирнов Д.Н. Нижегородская старина. Н. Новгород: Нижегородская ярмарка, 1995. С. 584-588.

чально известные процессы, то ведь значительное число людей решило переселиться из городов, уехать в деревню. И у нас к тем 60-85 миллионам человек на постсоветском пространстве (в Большой России), которые оцениваются как люди, имеющие дачи,⁸¹ добавилась ещё немалая группа горожан, которые стали переезжать в деревни и в небольшие города на постоянное жительство.

А с 1990-х годов этот новый процесс усилило изменение дачного законодательства.⁸² После снятия запретов советского времени на приобретение домов и усадеб, многие горожане стали их приобретать в городках и в сёлах. И у нас теперь, возможно, не менее половины всех горожан из крупных городов имеют дома в собственности в городах и сёлах.⁸³ Мы знаем, что в радиусе 300 километров вокруг Москвы, вокруг Питера, всё более-менее пригодное для проживания жильё скуплено горожанами. Это же мы наблюдаем и в Новосибирске, и в Екатеринбурге и во Владивостоке. Радиус поменьше – 100-200 км, но везде одна и та же картина. Везде горожане осваивают сельскую местность.⁸⁴

Таким образом, буквально на наших глазах протекают два разнонаправленных, сезонно приуроченных многомиллионных миграционных процесса. Массовый процесс выезда, временного или постоянного, горожан в село, и обратный процесс временного выезда селян-отходников в город. И если с нашей точки зрения Россия уникальна мас-

---

⁸¹ Эта оценка, которая только для России в нынешних границах даёт от 50 до 72 млн. дачников, получена, как представляется, следующим простым подсчётом: делением 1 млн га земли, находящихся в пользовании дачных садоводческих объединений (см., напр.: «...в России согласно официальным данным насчитывается более 80 тысяч садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединений граждан, в пользовании которых находится более 1 млн гектаров земли»: Бутовецкий А.И. Садоводческие, огороднические и дачные некоммерческие товарищества как собственники недвижимости // Право. Журнал Высшей школы экономики, М, 2016. № 4. С. 91), на 6 соток и умножением на среднюю величину семьи (3 чел.), получаем около 50-60 млн. человек и добавляем миллион – другой тех горожан, кто имеет земли в собственности или вне товариществ. Или, при ином методе подсчёта, количество садоводческих объединений умножаем на 250-300 участков в каждом (хотя немало товариществ с числом участников и в 400-500 дач) и снова умножаем на число человек в семье; получаем оценку от 60 до 72 млн. чел. По другим оценкам, в России более 14 млн. дач. Ср. также: Нефёдова Т.Г. Горожане и дачи // Отечественные записки, М., 2012. № 3(48).

⁸² См.: Федеральный закон "О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан" от 15.04.1998 № 66-ФЗ.

⁸³ Полагаю, что численность их никому неизвестна, поскольку немало таких, кто дома не регистрируют, проживают в родительских домах, а также имеют не один, а два-три и больше домов в разных городках и деревнях.

⁸⁴ См. публикации самого последнего исследования дачной активности горожан, где аккумулированы результаты многих прежних исследований авторского коллектива: Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / К.В. Аверкиева, Е.В. Антонов, П.Л. Кириллов, А.Г. Махрова, А.А. Медведев, А.С. Неретин, Т.Г. Нефёдова, А.И. Трейвиш М.: Новый хронограф, 2016. Часть 3. Из города за воздухом. С. 283 - 436.

совостью отходничества, то по мнению А.И. Трейвиша она ещё более уникальна массовостью дачников.⁸⁵ Два противоположно направленных и очень мощных миграционных потока, пульсирующие на Русской равнине и никогда не затухающие, в то же время невидимые ни обывателю, ни учёному, хотя каждый из них включён в этот поток.

И притом миграционные потоки очень схожи по интенциям их участников. У отходников в деревне или малом городе дом, жена, дети, школа, больница, хозяйство, корова, картошка. Тут он на зелёнке, на рыбалке и охоте, с друзьями время проводит, тут он живёт, тут он благоденствует. Ну и не менее важно, что тут у него деда с бабушками на кладбище. Тут у него радости и горести жизни, живёт он тут. А в городе у него только работа. Хотя едва ли не половину жизни он здесь проводит. Распределённый образ жизни у отходника – на два дома. Иногда и новые, вторые семьи заводят в городе. Но в город переехать не стремятся⁸⁶, там качество жизни не то⁸⁷.

Для горожан же, напротив, ситуация дополнительна, для них сезонная миграция составляет иной по содержанию процесс, но вот интенции те же самые. Как бы перевёрнутый, но тот же распределённый образ жизни. Правда, он захватывает, в отличие от отходников, всех членов семьи, и старших и детей. В городе у них и дом, и работа, и гараж и театр, а в деревне второй дом, и огород, и сад, и тут у них тоже радость жизни. Грибы собирают, рыбачат, дышат! Сюда они стремятся, как и отходники, для жизни – а в город возвращаются для работы-учёбы. Поэтому немалое число из них желает – опять же как бы в отличие от отходников, но, по сути, в согласии с ними – и потихонечку переселяется сюда. А переселяются они тем быстрее, чем быстрее изменяются, и они сами изменяют условия жизни в селе. Этот процесс и приводит к появлению нового образа жизни.

Создание нового способа жизни

Как видите, я говорю об активном *создании* нового способа жизни, в результате чего *появляется* новый образ жизни.

---

⁸⁵ См. там же, С. 283-286.

⁸⁶ Хотя большинство исследователей считают иначе, предполагая, что любой трудовой мигрант мечтает о переезде в город на постоянное жительство. Между тем наши многочисленные данные интервью с отходниками показывают, что такое стремление имеют лишь считанные единицы, большинство же менять место проживания не намерены.

⁸⁷ Нельзя не отметить, что имею в виду не устаревшие, а новые концепты качества жизни (см., к примеру: Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. Гл. 2. Качество жизни. С. 113-157).

Начну с примера. Одна моя московская знакомая с семьёй в деревне живёт постоянно уже лет пять, хозяйство ведёт, этим хозяйством питается. Но муж – компьютерщик, и работает он где-то за границей в удалённом доступе, но сидит в деревне. Есть целый ряд людей, которые переселяются в деревни совсем для другой, чем в городе, жизни. Их обозначают как «дауншифтеры», но они не дауншифтеры. Вот тот же самый муж моей знакомой, вообще никак не поменял свой статус, свою работу, да и она не снизила своего статуса, она работает так же и на той же должности, как она раньше работала в Москве. И я, в том числе, не поменял, хотя там же живу в старинном деревянном доме на усадьбе. То есть мы вовсе не дауншифтеры, мы - совсем другие. Правильное слово будет «паразиты», в исходном своём значении.

Вот этот процесс, взаимообразный круговорот из двух составляющих, разных по природе, разных по целям, разных по последствиям и есть, по-моему, новый способ жизни. В отличие от прежнего горожанина, который выезжал на дачу передохнуть, отдохнуть, здесь складывается распределённый образ жизни в полном смысле слова. Новый образ жизни на тех незаселённых, якобы – с нашей нынешней точки зрения – так сказать, «провальных» территориях. Да и мы, представители нового образа жизни, его «глашатаи», мы же приходим на эти территории, не очень-то перегруженные сознанием того, какую новую жизнь мы формируем собственным своим поведением.⁸⁸

Мы к чему привыкли? Мы привыкли к индустриальному способу жизни. Мы живём при заводе, при фабрике, при совхозе, при офисе... Ведь в индустриальные времена, особенно в советское время, это стало нормой жизни. В каждом районном центре должны быть градообразующее предприятие, и при нём должны быть поселены люди. В каждом городе должен быть в одном районе завод и при нём спальный район. В любом районе страны мы видим одну и ту же картину: люди по жизни привязаны к месту работы. Плюс к тому они были закрепощены, прикреплены к территории не только работой. Мы закрепощены до недавнего времени были и системой медицинского обслуживания, и системой дошкольного и общего образования. Ну, и прочнее всего была квартир-ная крепость. Ведь вот, между прочим, даже так называемый подход-

---

⁸⁸ См. по этому поводу пионерные работы С.Г. Кордонского (Кристалл и кисель. М: Модест Колеров, Три квадрата, 2002; В реальности и на самом деле. В кн.: Кордонский С.Г. Ресурсное государство. М.: Регнум, 2007; Пространства власти и пространства жизни. В кн.: Кордонский С.Г. Россия: Поместная Федерация. М.: Изд-во «Европа», 2010. С. 11-36.).

ный налог, который мы платим, это же ведь квартирный налог 1924-го года, который уже потом стал называться подоходным налогом. Просто в советское время мы не стали платить за квартиры, за жилье. Но поскольку их надо было содержать, ввели квартирный налог и назвали его подоходным.⁸⁹ И вот теперь мы платим этот налог, но квартирная крепость, она, может быть, сейчас наиболее важная. Сейчас, может быть, менее существенна крепость работой. Менее существенна крепость различными формами социальной поддержки. Потому что у нас до сих пор нет арендного жилья, у нас нет социального жилья, у нас нет возможности быстрой продажи такого жилья, правильной и грамотной ипотеки у нас нет.

В результате мы в подавляющем большинстве накрепко привязаны жильём к каким-то точкам в пространстве. И более того, у нас сформировалась и укрепилась, затвердилась психология привязки к жилью. Особенно к жилью в столице, в Москве, или в областных городах. Люди покупают квартиры. В собственность. Думая, что это какой-то капитал. Да это не капитал, это даже хуже, чем рухлядь. Это то, что сгниёт быстрее рухляди. Но менталитет остался, менталитет привязки к крепости. Если жилье – то должно быть своё. У нас самая высокая доля собственников жилья по сравнению со всем миром.⁹⁰ У нас до революции в России 98% людей снимали жилье в городах. Они были не собственниками, а арендаторами. А сейчас наоборот. То есть приезжающие трудовые мигранты, студенты снимают жилье, а в основном все собственники.

Квартирная крепость – это очень важный фактор. Но в большей степени психологический, чем экономический. Потому что аналогичное жилье в селе, в малом городе гораздо качественней, гораздо удобнее, комфортнее по всем показателям, чем аналогичное жилье в Москве. Но при этом я могу работать в том же Сиэтле-Гонконге, как тот мой знакомый, и сидеть у себя в поместье. Имея интернет через оптоволоконную связь с качеством выше, чем в Москве, я, поработав в удалённом доступе, денег заработав, пообщавшись с сотней коллег, клиентов, посетителей, тут же могу посидеть в бане, с веником, а выйдя на веранду над родником, чайку из самовара испить с бубликом из печи. А переодевшись, в рубашке и при галстукe, уже через четверть часа сидеть перед телеviso-

---

⁸⁹ См.: Бессонова О.Э. К вопросу о квартирной плате в СССР (на примере Новосибирска) // Известия СО АН СССР. Серия: Экономика и прикладная социология. - 1985. - № 1, вып. 1. - С. 55-62 ; она же: Жилье: рынок и раздача. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-е, 1993. 159 с.

⁹⁰ Бессонова О.Э. Жилищный раздаток и модернизация России. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. 144 с.

ром и читать лекцию студентам. Следовательно, я получаю удовольствие, прочитав лекцию, не выходя из бани, из своего кабинета, и при этом деньги-то я получаю по карточке там же. Вне привязки к работе. Это ведь то самое качество жизни, о котором мечтают, как о почти неосуществимом, уважаемые профессора Стиглиц, Сен и Фитусси, а также ещё 31 член их знаменитой «Комиссии Саркози»⁹¹

И нас, таких людей, живущих распределённым образом жизни, «новым кочевничеством», становится всё больше и больше. Конечно, это ещё не критический уровень, но мы уже имеем значение. К нам начинают прислушиваться и присматриваться к тому, как это по-новому мы живём. Прислушиваться да присматриваться даже не только потому, что мы строим дома иначе, чем окружающие, что мы уже не используем так называемые «современные технологии», а потому, что мы обладаем опытным знанием, как надо правильно устраивать наши дома и наши усадьбы-поместья.⁹² Мы начинаем иначе вести семейную жизнь и оказываемся образцом для подражания местным. Потому что у нас другие стандарты и цели репродуктивного поведения, ориентированное на большое количество детей и на их эффективную социализацию и аккультурацию. Образцы и стандарты социализации другие, чем у соседей. Но эти соседи начинают усваивать наш образ жизни, перенимать наши стандарты.

Благодаря именно этим новым людям – нам – в провинции уже начали подспудно внедряться и усваиваться новые репродуктивные стандарты. Прежде всего многодетность, именно формирование в сознании людей позитивного отношения к многодетности, исчезновение страха иметь много детей («плодить нищету» - мантра позднесоветского времени). В последние годы в некоторых малых городах доля третьих рождённых детей возросла с обычных раньше 7-8% до 50%! (это мои собственные эпизодические наблюдения). На это пока внимания не обратили, просто статистика в общем пуле, который определяет большой город, это зафиксировать не может. Конечно, далеко не всё в новых стандартах репродуктивного поведения приемлемо или хорошо для местного общества. Например, отказ от «крестьянского» типа брака (обязательно одновозрастные супруги), гражданский брак, наконец,

---

⁹¹ Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. Указ. соч. ... См. также: Койл Д. ВВП: Краткая история, рассказанная с пиететом. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 176с.

⁹² Идеология дома-поместья изложена в монографии: Кривов А.С., Крупнов Ю.В. Дом в России. Национальная идея. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. С. 118-126, 148-160.

многожёнство (но и эти формы проникли уже в провинцию и даже не осуждаются⁹³).

Мы приносим туда новые модели жизнеобеспечения, которые начинают усваивать местные жители. Вот, например, в селе Угоры, недалеко, всего 500 километров от Москвы, местные жители, благодаря тому, что в этом сельском поселении на пятьсот местных приходится сотня профессоров из Москвы, некоторые, молодёжь, научились зарабатывать деньги через интернет. Их научили, они освоили. И теперь молодые девочки, школьницы зарабатывают рукоделием своим и продажей изделий через интернет больше, чем оба родителя вместе. Это новый способ жизнеобеспечения, который до недавнего времени совершенно незнаком для тех мест. Но есть и способы жизнеобеспечения, которые уже мы, новые насельники, усваиваем у местных жителей. Например, лесные промыслы. Чем живёт наше общество российское? У нас, я уже писал об этом⁹⁴, имеется уникальный ресурс, которого нет нигде в мире. Этот ресурс – ресурс леса. Это древесина, четыре пятых которой идёт вне официальных учётов. Но это и дикоросы, мхи, смолы, кора – самые разные продукты леса. Немалая часть населения живёт за счёт этих ресурсов и обеспечивает себя гораздо эффективнее, чем обеспечивает государство бюджетников, которые получают жалование. А мы новые жители, приносим этим людям новые способы преобразования этих ресурсов, повышаем, так сказать, отдачу. Вот он вынес грибы и ягоды, вышел на дорогу и продаёт их. Это выгодно – иные семьи, кооперируясь, зарабатывают по несколько миллионов рублей за 2-3-месячный ягодно-грибной сезон. А мы научили перерабатывать эти грибы и ягоды, и продавать куда-нибудь в Европу⁹⁵.

Есть и новые, точнее забытые, способы использования ресурсов той же древесины. Например, мы все интенсивнее переучиваем местных

---

⁹³ Мы фиксировали примеры фактического многожёнства уже в областях Русского Севера, у русского населения, см.: Plusnin J., Zausaeva Y., Zhidkevich N., Pozanenko A. *Wandering Workers...* P. 174-185.

⁹⁴ Плюснин Ю.М., Позаненко А.А., Жидкевич Н.Н. Отходничество как новый фактор общественной жизни // Мир России, 2015. № 1. С. 49-50.

⁹⁵ Во Владимирской области один мой знакомый бизнесмен ещё в конце 1990-х начал выращивать червяков в навозе, продавать за границу и так развился, что и сейчас очень эффективно этим занимается. Или другой пример, из Костромской области. По берегам реки Унжи есть несколько изолированных поселений, и в одно из них монахи монастыря из Белоруссии делают «выездные сессии» на лето, построили скит и заготавливают грибы сами и закупают у населения. Заготовив эти грибы, и проведя первичную переработку, они их увозят, окончательно перерабатывают в Белоруссии и продают, бизнес процветает. Да и в тех же самых московских монастырях откуда грибы-ягоды-мёд? Заготовлены и привезены из лесов.

жителей, которые начинают заниматься изготовлением различных поделок из дерева, игрушек, стали производить деревянную мебель. Оказалось, что это очень востребовано, что это нынче модно – чистая деревянная натуральная мебель, натуральные окна, натуральным деревом обшитые стены. Это распространяется с приходом городских жителей в деревни, в сёла. И сами деревенские жители начинают воспринимать эти стандарты. Они воспринимают эти стандарты, про которые они забыли когда-то. Но они усваивают и новые экономические практики, и новые правовые отношения, потому что мы учим их, как надо правильно взаимодействовать с властью, как надо выстраивать отношения с носителями власти, с теми же прокурорами, судебными приставами, с земельными комитетами. Этому же надо учиться.

И вот именно то, что мы приходим туда, мы становимся ядрами консолидации, кристаллизации новой социальности. Мы и формируем новый образ жизни. Не в городе, откуда мы как бы только наполовину ушли. Объединив способы жизни там и тут, на новом месте, мы и создаём совсем другую жизнь, внедряясь в местную, которая незаметно изменяется для самого местного общества. Мы же ведь её не разрушаем, мы внедряемся в неё, мы начинаем вживаться. Здесь аналогия с «паразитами» совсем уже полная. Наверное, лучше воспримется другая метафора: в некотором смысле мы песчинка грязи, которая попала внутрь раковины моллюска жемчужницы-перловицы. И перловица – местное общество – нас, песчинку, обволакивает, в результате жемчужина появляется, эта жемчужина – это нечто новое в образе жизни местных сообществ. Мы такие вот ядра консолидации. Мы, принося с собой грязь большого города, создаём новое с помощью и усилиями местного общества.

Это новое оказывается гораздо более привлекательным, чем принесённое городское. Потому что в городе нет «зелёнки», в городе нет друзей, приятелей, с которыми ходишь на рыбалку зимой и летом. В городе не поохотишься, ты не посидишь с друзьями в бане так, как надо. Там можно иначе работать, не ишачить и не батрачить, а работать на себя и с удовольствием. Правильнее сказать, не работать, а трудиться. И вот такой новый образ жизни мы создаём.

Сейчас этот образ жизни крохотный и незаметный, песчинка. Сейчас из города, с сознанием индустриального человека, который считает, что здесь всё качество жизни в полном объёме, здесь культура, здесь центр работы и всего прочего, здесь развлечения, то конечно это воспринимается как в лучшем случае маргинальность. А вообще большин-

ство считает это некой аномалией, блажью. Тем не менее, я считаю, что процесс запущен и далеко уведёт нас. Новая жизнь может прийти внезапно, как когда-то в 1920-х годах внезапно пришла новая жизнь в российское село. В 1922-м году села пустели ещё, а в 1924-м уже все вернулись туда. Потому что большевики дали землю. Кто первый взял землю? Отходники из городов! Они ухватились за этот декрет, и они с ним прибежали и взяли эту землю, отобрали даже у соседей. Правда очень скоро они поняли, что этой землёй распоряжаться трудно, там им и помогли ещё после 1929 года. Но главное, что это были недолгие годы удивительного благоденствия. Потому что государства нет, власти нет, законов нет, как и налогов, а ты сам себе хозяин, и ты живёшь по своим законам. Это были лучшие времена для селян. По крайней мере на севере России. Так ведь и сейчас горожане-дачники вдали от агломераций, у себя, в деревне, переживают нечто похожее.

Ближние и дальние последствия нового образа жизни

Наконец последний тезис, чистая спекуляция. Какие могут быть экономические последствия? Это новая экономика на местах, это не та экономика, про которую говорят губернаторы и все аналитики, сидящие в регионах, пишут об одном и том же: «Восстановить индустриальную экономику по образцу ... европейскому/советскому...». Это невозможно, во-первых. Во-вторых, это не нужно. Потому что эта экономика уже ушла. Это все равно, что предлагать восстановить трёхпольную систему земледелия сейчас. Это появление новых моделей жизнеобеспечения, которые будут замещать аналогичные, привычные нам в городах.

Мы привыкли думать, что это городские модели жизнеобеспечения. Услуги, они могут быть и в селе развиты в полном объёме. Это может быть новая форма производства, в том числе сельскохозяйственного производства. Не на индустриальных принципах, заложенных ещё в 1930-х годах – больше техники, больше результат, или в 1960-х – «химизация народного хозяйства – панацея».

Я когда-то лет десять назад сделал небольшой анализ, который отчего-то вызвал резко негативную реакцию у некоторых коллег. В середине 2000-х годов в средней полосе Нечерноземья нагрузка на пашню составляла 3 трактора на 100 га, т.е. 0,03 тр/га. В Европе в это же время, по данным ежегодника «G8 в цифрах. 2008. М., 2009», в среднем приходилось 30 тракторов на 100 га (разброс от 28 до 50), т.е. 0,3 тр/га. Представляете, какая нагрузка на почву? В 10 раз меньше у нас. А что это значит? Структура почвы в нашем случае сохраняется, не разрушается.

Плюс к этому нет удобрений химических, перестали их вносить и более 20 лет не травили землю. Значит, чистая земля. При этом средняя продуктивность у нас в Нечернозёмной зоне всего-то 7- 7,5 центнеров с гектара. Неважно, что – овёс ли, рожь, пшеница. А в той же Европе урожайность 26-40 центнеров с гектара, если брать разные территории.

Давайте теперь подсчитаем эффективность использования тракторов в пересчёте на центнеры зерна. Европейские 30 тракторов собирают сколько зерна, и сколько наши 3 т трактора собирают? Оказывается, если всё пересчитать на один трактор, наш трактор за сезон зерна собирает в 5-6 раз больше, чем европейский трактор. Другими словами, интенсивность использования трактора у нас в 5-6 раз выше, нежели в Европе. А нагрузка на почву, соответственно, в 10 раз ниже. Видимо в этом есть какие-то особые достижения, особые новые формы производства, которые представляют, наверное, ценность, которыми, может быть, надо гордиться, а не сетовать, что тракторов да химикатов мало, урожай плохи. Хотя бы в том, что это несомненно более чистая еда и существенно меньше загрязнённые сельхозземли, а значит и вода, и воздух. Имеет ли ценность, с точки зрения качества жизни, проживание на таких территориях, которые давно уже – четверть века – не загрязнены, давно очищены благодаря прекращению интенсивной хозяйственной деятельности? Безусловно.

Теперь добавьте к этому выращивание и воспитание детей в гораздо более комфортных социокультурных условиях, чем в крупном городе. Это уже социокультурные последствия. В местном обществе все знакомы между собой, все поддерживают друг друга. Вы не боитесь отправить детей через весь город, даже вечером, учителя всегда содружественны, да и школьники в классе тоже содружественны. Это очень важный момент, особенно для раннего воспитания детей. Но тут есть ещё один фактор: тебя здесь всегда поддержат, не дадут упасть, не забудут, если что, то придут и проверят. Ты всегда будешь иметь локоть поддержки. В любых условиях.

А получишь ли ты поддержку на лестничной площадке в московской многоэтажке? Неизвестно. Может быть и нет. А чаще всего нет. А в малом городе, в деревне ты знаешь, что даже знакомый тебе через десятые руки человек тебя поддержит и при случае поможет. Не все, конечно, но большинство. Я в этом много раз уже убедился. Люди знают всех приезжих как своих, знают и в соседних городках. Здесь нет чужих, все

свои⁹⁶. Неважно, что это узбеки, которые тут живут и уже поженились, они уже тоже свои. Важно, что все находятся во взаимосвязи, взаимозависимости и взаимной поддержке. И вот эти, так называемые «архаические элементы» социальных отношений, которые сохраняются и поддерживаются, может быть, наиболее ценны для будущего нового образа жизни.

И есть ещё один важный признак социальной стабильности и самоорганизации в местном обществе вдали и вне больших городов, о чём не знают вовсе жители городов. Это самодеятельная творческая активность людей, которая создаёт элементы качества жизни, давно неведомые горожанам. Везде жители малых городов, сёл, посёлков, коренные жители, гордятся тем, что они сами производят. Имеется в виду не пиломатериалы, не грибы, не бумаги и статотчёты, а что они производят в культурной сфере. Какие песни они поют, какие стихи складывают, как пляшут, как эти песни играют. И они везде повсеместно, что в Башкирии, что в Приморье, что в Костроме, что в Мурманске, каждый год ждут тех местных праздников, когда они смогут свои произведения искусства или продукцию своих промыслов выставить на всеобщее местное обозрение. Танцы и песни, состязания и музейные коллекции. Пиво самим сваренное, ложки вырезанные, свою вышивку представить, свои лубяные короба и сани показать, мебель. И вот это для них важно, этим они гордятся. А гордятся они потому, что эти ими созданный мир, дополнительный миру материальных нужд и товарного производства.

Реальная общественная активность на местах, в сельской местности, в наших малых городах очень велика. У нас на один малый город, численностью в среднем 15 тысяч жителей, от 3 тысяч до 40-50 тысяч, приходится 6 общественных организаций, придуманных и созданных самими жителями для себя.⁹⁷ Отнюдь не официальные всероссийские НКО. Свои, самодеятельные в буквальном смысле. Певуны, танцоры, литераторы, стихоплёты, ремесленники, краснодерёвщики и кузнецы, все прочие. Это значит, что примерно в каждом городе тысяча – две тысячи жителей, а следовательно, практически, тысяча семей, вовлечены в такие культурно-общественные процессы самодеятельности, самоактивности. Эта общественная активность на самом деле важна для лю-

---

⁹⁶ См. об этом специально мою статью: Плюснин Ю.М. Свои и чужие в русском провинциальном городе // Мир России, 2013. Т. XXII. No 3. С. 60-93.

⁹⁷ См.: Плюснин Ю.М., Кордонский С.Г., Скалон В.А. Муниципальная Россия. Образ жизни и образ мыслей. Опыт феноменологического исследования. М.: ЦПИ МСУ, 2009. С. 104-111.

дей. Они об этом постоянно знают и думают. А на эту общественную активность не обращают внимания ни наша интеллигенция, ни скомоорохи, ни наши учёные, ни тем более наше государство.

Чем занято наше государство? Оно ищет, где там у общества гражданская активность, где у нас гражданское общество. Да его нет. Люди, которые связаны с какими-то гражданскими организациями различными, их всего в провинции единицы взрослого населения, да и те в совете ветеранов, в совете матерей-фронтовиков или военнослужащих. То есть в тех официальных общественных организациях, которые в действительности заняты борьбой за ресурсы, распределяемые государством с тем, чтобы демонстрировать некоторую видимость активности. А те, кто сами создают настоящие общественные организации, они не борются ни за какие ресурсы. Они сами приносят эти ресурсы, они их производят. Вот этот момент мне кажется очень важным для понимания предпосылок будущей новой жизни.

Политические последствия. Чем, с моей точки зрения, интересны политические последствия? Я мельком указал, что Ленин специально обращал на этот момент внимание. Отходники – это потенциал наших народных масс, наша «трудармия». Сейчас мы можем говорить, что отходники в городах – потенциал стабильности для государства, это важнейший компонент общества, на который как раз государство и должно опираться как на людей, которые являются основой обеспечения стабильности. Государству не надо опираться на пенсионеров и на бюджетников, то есть на «рентное» население. Им не надо ублажать молодёжь. Это всё пустое из области устаревшего индустриального стиля мышления, когда казалось, что надо, как говорил Отто фон Бисмарк, «пододвинуть корыто, чтобы превратить человека в свинью». Ну тех, что превратили, но они и требуют всё больше и больше подачки, а отходники в большинстве своём – люди самозанятые. Они приносят домой средства, которых достаточно и для того, чтобы вырастить, воспитать детей, обучить их, и чтобы обустроить дом, хозяйство, и чтобы жену отправить в Турцию или в Египет. То есть самозанятые, самодеятельные люди ориентированы на стабильность и прочность жизни. Но это очень важно. Вот она трудармия, но трудармия не в том смысле, старом, революционном, советском, а как раз трудармия, которая обеспечит поддержку государства, если государство обратится к ней, как к важному

агенту. Другие важные политические последствия я подробнее рассмотрел в моей недавней статье.⁹⁸

Таким образом, благодаря уникальным популяционно-демографическим особенностям России, своеобразному поведению населения на нашем обширном пространстве, вековому, укоренённому квази-кочевому, «распределённому» образу жизни народа, мы, этот народ, легче снимемся с места, воспримем новый способ жизни и быстрее других перейдём к новому образу жизни, пока ещё далеко не ясному, вовсе не определённом, но уже предчувствуемому и провозглашаемому некоторыми, лишь немногими, исследователями.⁹⁹

Абрисы нового образа жизни всё чётче.

---

⁹⁸ Плюснин Ю.М. Вдали от государства: отходники и власть в современной России // Вопросы государственного и муниципального управления, 2016. № 1. С. 60-80.

⁹⁹ Кривов А.С., Крупнов Ю.В. Дом в России. Национальная идея. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. С. 118-126, 148-160; Ilin V. Between city and village: Models of dual lifestyles in Russia // The Future We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World. 3rd ISA Forum of Sociology. Vienna, 2016; Nefedova T., and J. Pallot. The multiplicity of second home development in the Russian Federation // Second Home Tourism in Europe: Lifestyle Issues and Policy Responses. Farnham, UK, Berlington, USA: Ashgate Publishing, 2013.